

Р. КИПЛИНГ

Откуда взялись
Броненосцы

Р. Киплинг

Откуда взялись Броненосцы

*Перевод с английского
К. Чуковского*

*Стихи в переводе
С. Маршак*

МОСКВА
"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

1978

К 70801-206
М101(03)78 14-78

© Иллюстрации
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

ОТКУДА У КИТА ТАКАЯ ГЛОТКА

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селёдку, и селёдкину тётку, и плотичку, и её сестричку, и шустро-го, быстрого вьюна-вертуна угря. Какая рыба попадётся, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всём море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог её глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

— Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

— Нет, — ответил Кит. — А каков он на вкус?

— Очень вкусный, — сказала Рыбка. — Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдесятка, — сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что всё море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного! — сказала Малютка-Колюшка. — Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошёл ко дну. Только и одёжи на нём, что синие холщовые штаны да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!) да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл и доплыл куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса северной широты. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк, и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!) да сбоку у пояса охотничий нож, и больше

ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень умный и храбрый.)

Рот у Кита открывался всё шире, и шире, и шире и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Всё провалилось в тот тёплый и тёмный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в тёмном и тёплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыркаться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топать, стучать, бренчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем нехорошо (надеюсь, ты не забыл про подтяжки?).

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон, — посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри веди себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну нет, — сказал Моряк, — мне и тут хорошо! Вот если ты отвезёшь меня к моим родным берегам, к белым утёсам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он ещё сильнее затопал ногами.

— Нечего делать, вези его домой, — сказала хитрая Рыбка Киту. — Ведь я говорила тебе, что он очень умный и храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утёсы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — всё шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Аш-элот, Нашуа, Кини и Фичборо.

Чуть он сказал: «Фич!» — изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень умный и храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать

про подтяжки!), и у него получилась решётка, которой он и загородил Кита горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

Поставил я решётку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки, и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился, и стал жить-поживать, и был очень счастлив. Кит тоже женился и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решётка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решётки к нему в горло попадала только мелкая рыбёшка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собою свой охотничий нож. Синие холщовые штаны всё ещё были на нём, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нём уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решётку.

Вот и всё. Этой сказке конец.

Если в стёклах каюты
Зелёная тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеётся,
Не пьёт и не ест,
Вот тогда нам понятно,
Что значат слова:
Сорок Норд,
Пятьдесят Вест!

ОТЧЕГО У ВЕРБЛЮДА ГОРБ

Вот ещё одна сказка, и в ней я хочу рассказать, откуда взялся на спине у Верблюда такой большой горб.

В самые первые годы, давно-давно, вся земля была новенькая, только что сделанная. Животные с первых же дней стали служить Человеку. Но в Ужасно-Унылой Пустыне жил Ужасно-Унылый Верблюд, который и не думал работать. Он ел сухие колючки, жёсткие ветки, тamarisk, терновник и кору, но работать ни за что не хотел — такой бессовестный бездельник и лентяй! И что бы ни говорили ему, он на всё отвечал:

— Гррб!

Только «Гррб» — и больше ничего.

Вот однажды, в понедельник утром, пришёл к нему Конь. На

спине у Коня было седло, в зубах уздечка.

— Верблюд, о Верблюд! — сказал он. — Ступай к Человеку и начни бегать рысью, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Конь пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого к Верблюду пришёл Пёс. В зубах у него была палка. Он пришёл и сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку, научись ходить вместе с ним на охоту, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Пёс пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого пришёл к Верблюду Бык. На шее у Быка было ярмо. Он сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку и паши землю, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Бык пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вечером Человек позвал Коня, Пса и Быка и сказал:

— Конь, Пёс и Бык, мне очень вас жалко (ведь мир был совсем ещё новенький!), но зверь, который кричит «Гррб» в той Пустыне, не способен ни к какой работе, а то бы он давно пришёл ко мне. Пусть себе живёт в своей Пустыне, я не трону его, но вам придётся работать вдвойне — и за себя и за него.

Тогда Конь, Пёс и Бык очень рассердились (ведь мир

был ещё очень новый!). Они отправились к самому краю Пустыни и стали громко обсуждать, что им делать, и лаяли, и ржали, и мычали. К ним подошёл Верблюд — бессовестный бездельник и лентяй! — и, лениво пережёвывая сухую траву, стал насмеяться над ними. Потом он сказал «Гррб» и удалился.

Мимо по дороге мчался в туче пыли Джинн, Владыка Всех Пустынь. (Джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи.) Он остановился поболтать с Конём, Псом и Быком.

— Владыка Всех Пустынь! — сказал Конь. — Кто имеет право бездельничать, если мир такой новый и в нём ещё так много работы?

— Никто, — ответил Джинн.

— А вот, — сказал Конь, — в твоей Ужасно-Унылой Пустыне живёт Ужасно-Унылый Зверь, с длинной шеей, с длинными ногами, который с самого утра, с понедельника, не подумал взяться за работу. Не желает бегать рысью — ни за что!

— Фью! — свистнул Джинн. — Да это мой Верблюд, клянусь золотом Аравийской земли! Что же он говорит?

— Он говорит одно слово: «Гррб», — сказал Пёс. — «Гррб» — и больше ничего. И не желает помогать Человеку охотиться.

— А что ещё он говорит? — спросил Джинн.

— Больше ничего, только «Гррб», и не желает пахать, — ответил Бык.

— Отлично! — воскликнул Джинн. — Пожалуйста, подождите минутку, я сейчас покажу ему «Гррб».

Он завернулся в свой плащ из пыли и помчался в Пустыню. Там он нашёл Верблюда. Тот стоял и любовался своим отражением в луже — бессовестный лентяй и бездельник.

— Мой лукавый длинноногий друг, — сказал Джинн, — я слышал, что ты не желаешь работать в нашем новом-новёхоньком мире. Что это значит?

— Гррб! — ответил Верблюд.

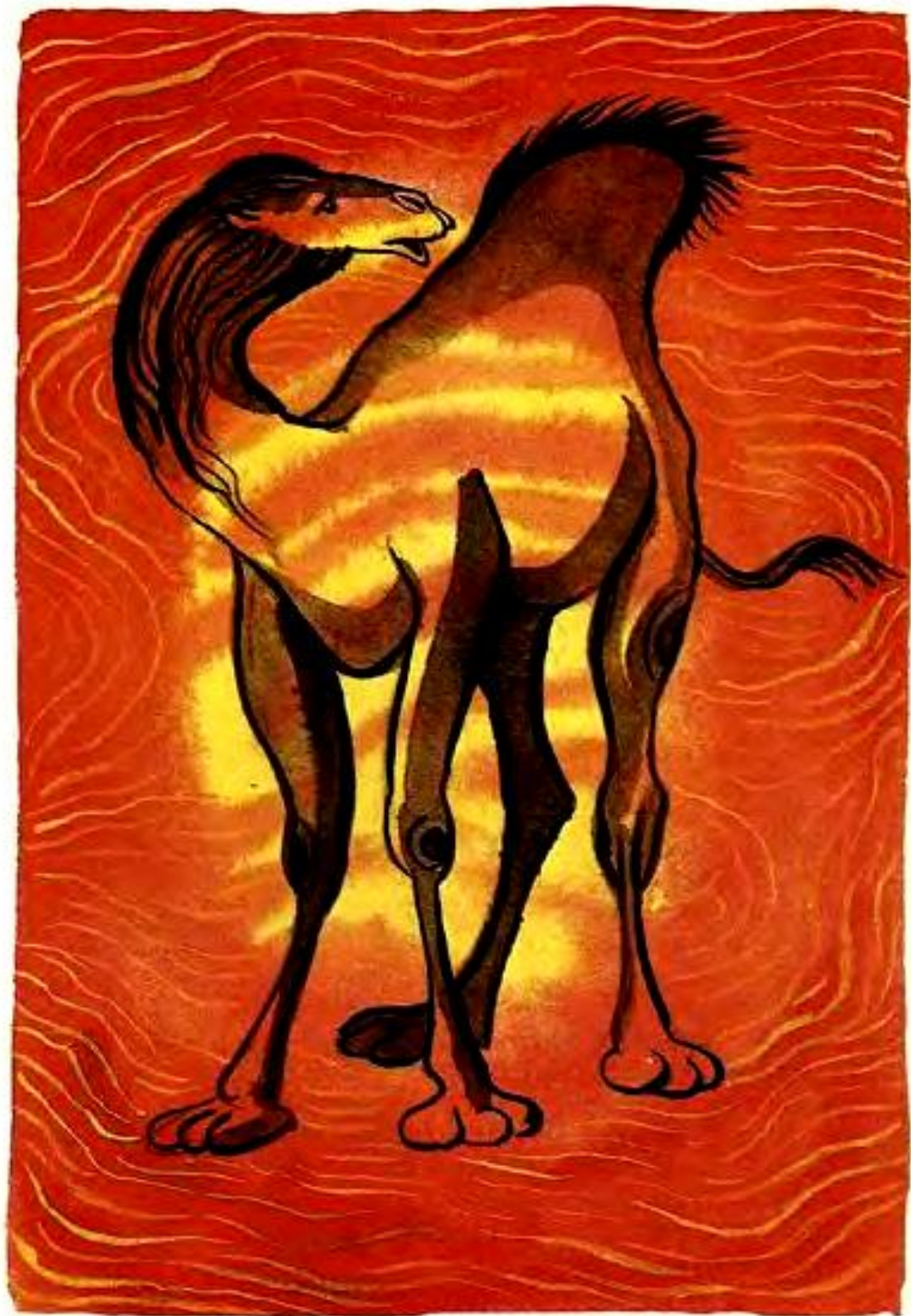
Джинн сел на песок и, опершись подбородком на руку, принялся колдовать, а Верблюд стоял и как ни в чём не бывало любовался своим отражением в луже.

— Конь, Бык и Пёс работали с самого утра, с понедельника, и работали больше, чем надо, оттого, что ты такой бессовестный лентяй и бездельник, — сказал Джинн.

И он опять опёрся рукой о подбородок и продолжал колдовать.

— Гррб! — повторил Верблюд.

— И как тебе не надоест это слово? Который раз ты повторяешь его? Бессовестный лентяй и бездельник, я хочу, чтобы ты стал работать!

— Гррб! — повторил Верблюд.

И вдруг спина, которой он так гордился, начала у него пухнуть, и пухла, и пухла, и у него вздулся огромный твёрдый горб.

— Полюбуйся! — сказал Джинн. — Это тот самый «Гррб», о котором ты постоянно твердишь. Он вырос у тебя оттого, что ты бессовестный лентяй и бездельник. Работа началась с понедельника, сегодня четверг, а ты до сих пор ещё не принялся за работу. Но теперь ты начнёшь работать!

— Как же я буду работать, если у меня огромный Гррб? — спросил Верблюд.

— А это тебе в наказание! — ответил Джинн. — За то, что ты прогулял трое суток. Но теперь ты можешь работать три дня без всякой пищи, потому что ты будешь есть свой собственный Гррб. Жил же ты три дня одним только «Гррб». После этого, я надеюсь, ты не станешь говорить, что я о тебе не забочусь. А теперь уходи из Пустыни, ступай к Коню, Псу и Быку и смотри веди себя хорошо.

И пошёл Верблюд со своим горбом к Коню, Псу и Быку. И до сих пор он таскает на спине свой горб (мы не говорим уже «Гррб», мы говорим «горб», чтобы не обидеть Верблюда), и до сих пор он не может наверстать те три дня, которые он прогулял вначале, когда земля была новая, и до сих пор он не может научиться, как нужно себя вести.

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в звернице не раз.
Но горб
Ещё хуже,
Ещё неуклюжей
Растёт у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, печёсанный, грязный,—
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Мохнатый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснёмся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой,
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

ОТКУДА У НОСОРОГА ШКУРА

В некотором царстве, в некотором государстве, на Красном море, у самого берега, стоял Необитаемый остров. На острове жил парс, а у парса была шапка, и она блестела на солнце, как солнце.

Только и было добра у парса, что шапка, да нож, да печка, — а вам эту печку трогать руками нельзя.

И вот один раз взял парс изюму, и муки, и воды, и слив, и сахару, и всякой всячины, смешал всё в кучу и сделал себе пирог, великолепнейший волшебный пирог в двадцать сантиметров длины, тридцать сантиметров ширины; и поставил его на печку: ему, значит, можно было подходить к этой печке. И так он пёк этот пирог, что тот зарумянился и дух от него пошёл восхитительный.

Но только парс открывает рот и хочет съесть свой пирог, смотрит — идёт Носорог; а у Носорога на носу рог, и глазки у него поросячьи, и манеры у него очень плохие.

В те времена Носороги носили шкуру в обтяжку, без единой складочки, и очень смахивали на деревянных, игрушечных, только были, понятно, крупнее. Всё же они и теперь невоспитанные, и прежде были невоспитанные, и всегда будут невоспитанные.

Носорог сказал:

— Угу!

И покинул парс пирог, и бросился к пальме, и, в чём был, полез на верхушку; а был он в одной только шапке, и шапка блестела на солнце, как солнце.

И ткнул Носорог его печку носом, и печка перевернулась вверх дном, и покатился пирог по песку, и поддел Носорог пирог на рог и стал его есть, а съевши, ушёл в безлюдную, необитаемую пустыню, по соседству с островами Мазандеран, Сокотра и мысами Великого Равноденствия.

Тогда парс слез с дерева, поставил печку на ножки и проговорил такое заклятие:

Если шкура тебе дорога,
Не бери пирога на рога.

И, ах,— это было неспроста!

Потому что прошло пять недель, и в Красном море наступила жара, и каждый стал сбрасывать с себя всю одежду. Парс сбросил с себя шапку, а Носорог шкуру, перекинул её через плечо и пошёл купаться. Тогда ещё шкура у Носорога застёгивалась на животе на три пуговицы и была похожа на резиновый плащ.

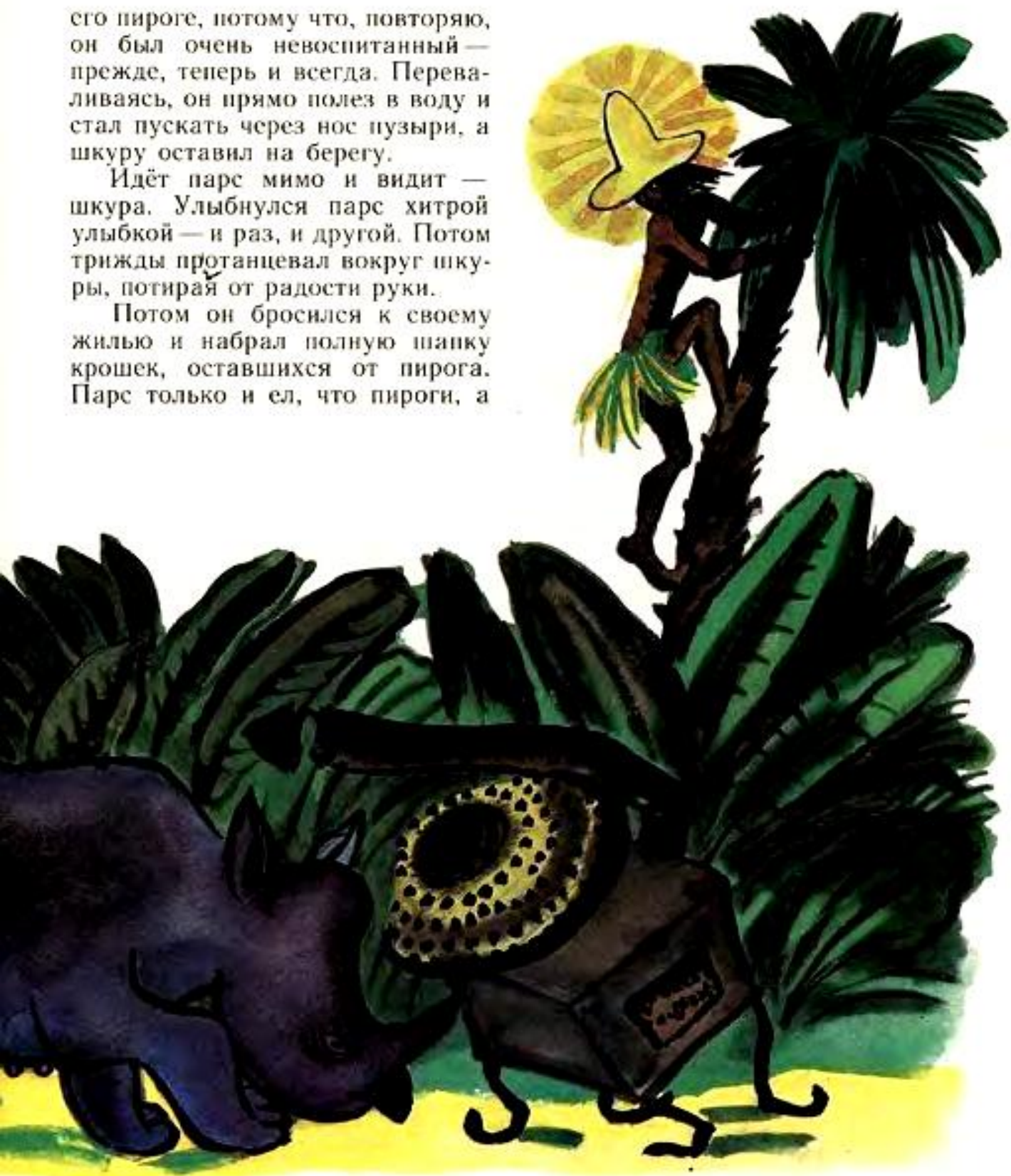
Встретив парса, Носорог ни слова не сказал о

его пироге, потому что, повторяю, он был очень невоспитанный — прежде, теперь и всегда. Переваживаясь, он прямо полез в воду и стал пускать через нос пузыри, а шкуру оставил на берегу.

Идёт парс мимо и видит — шкура. Улыбнулся парс хитрой улыбкой — и раз, и другой. Потом трижды протанцевал вокруг шкуры, потирая от радости руки.

Потом он бросился к своему жилью и набрал полную шанку крошек, оставшихся от пирога. Парс только и ел, что пироги, а

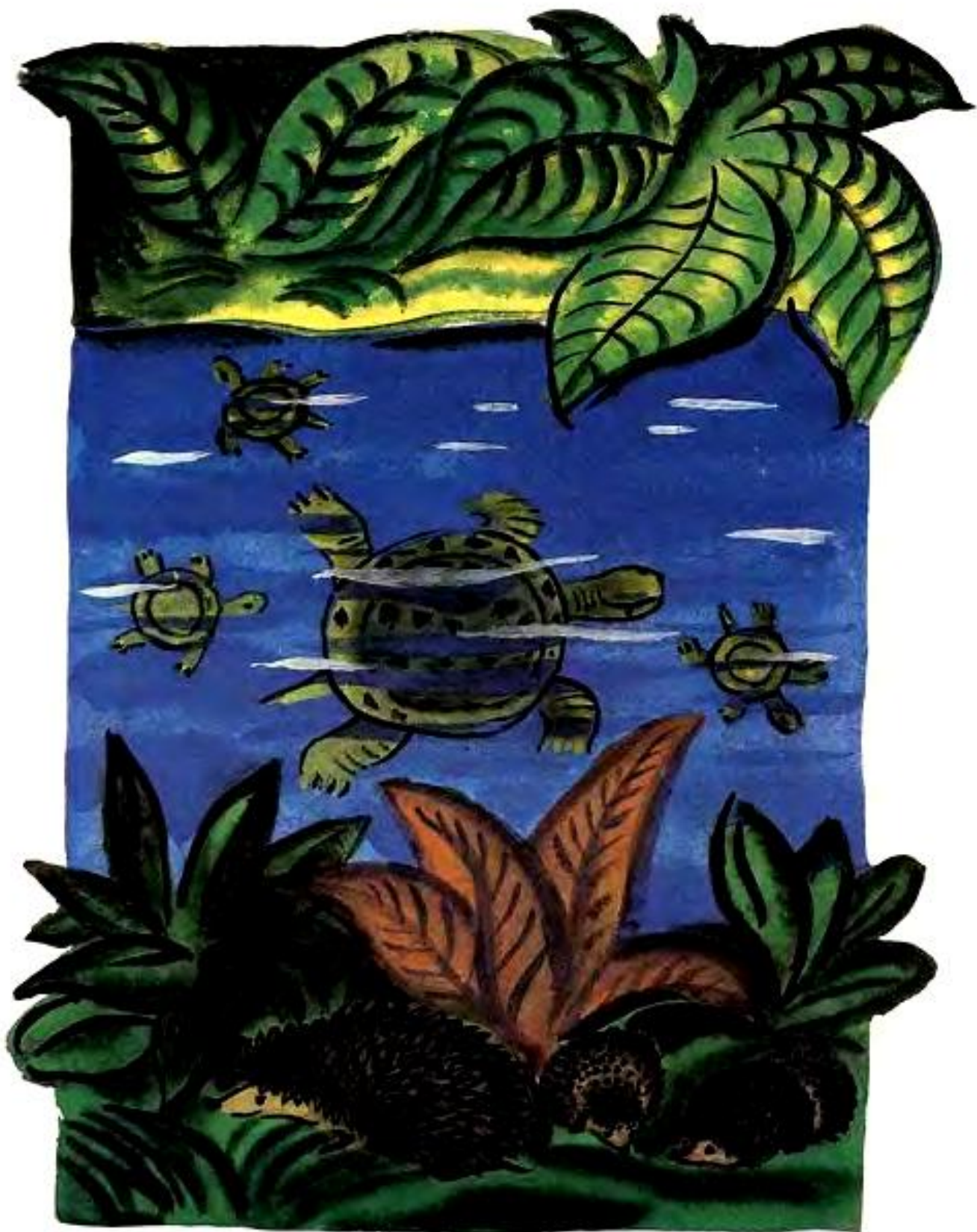

крошек никогда не выметал. И он взял эту шкуру, и он смял эту шкуру, и потёр эту шкуру, и простёр эту шкуру, и набил её снизу доверху засохшими, жёсткими, чёрствыми, колючими крошками и горелыми изюминками. Потом взобрался на свою высокую пальму и стал поджидать, чтобы Носорог вышел из воды и натянул свою шкуру на себя.

Носорог так и сделал. Он застегнулся на три пуговицы, и тотчас же его зацарапало, как царапают крошки в кровати. Ему захотелось почесаться, но от этого стало ещё хуже. Грохнулся он тогда об землю и пошёл кататься по земле, и катался, и катался, и катался, и чем больше катался, тем больше донимали его крошки — и всё хуже, и хуже, и хуже. Кинулся Носорог к пальме и стал тереться об неё, и тёрся, и тёрся, и тёрся. И так долго он тёрся, и так сильно он тёрся, что натёр себе на шкуре большую складку — одну над плечами, и другую складку на животе, где прежде были пуговицы (но он оттёр эти пуговицы прочь), и ещё натёр складки у себя на ногах. И это очень испортило его характер, но не избавило от крошек. Крошки остались у него за шкурой и царапали как ни в чём не бывало. И он пошёл домой весь исцарапанный и ужасно сердитый. И с тех пор до сего дня у каждого Носорога очень толстые складки на шкуре и очень скверный характер, и всё потому, что за шкурой у него крошки от пирога.

А парс спустился с пальмы, нахлобучил шапку, блестящую на солнце, как солнце, и ушёл с того места прочь по направлению к Оротаво, Амигдале, Верхним Долинам Анантариво и Болотам Сонапута.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ БРОНЕНОСЦЫ

Милый мальчик, я опять расскажу тебе сказку о Далёких и Старинных Временах. Жил тогда Злючка-Колючка Еж. Жил он на мутной реке Амазонке, ел улиток и разные разности. И была у него подруга, Черепаха Неспешная, которая тоже жила на мутной реке Амазонке, ела разные разности и зелёный салат. Всё шло хорошо, не правда ли, милый мальчик?

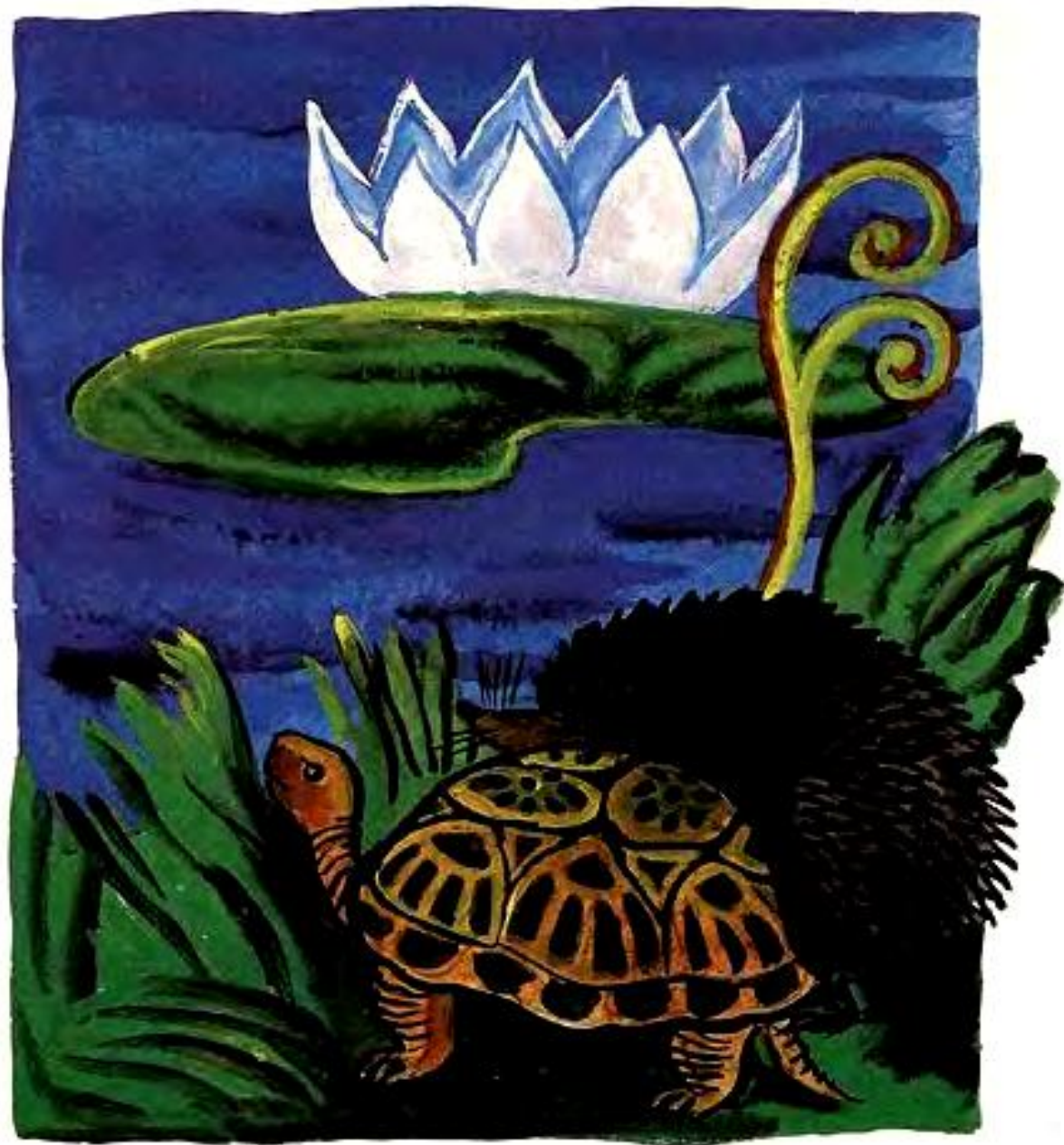

Но в ту же самую пору, в Далёкое и Старинное Время, жил на мутной реке Амазонке Расписной Ягуар. Он ел всё, что ему удастся поймать. Не удастся поймать обезьяну — съест лягушку или таракашку. А уж если нет ни лягушек, ни таракашек — он идёт к своей мамаше Ягуарихе, чтобы та объяснила ему, как нужно ловить черепах и ежей.

Изящно помахивая грациозным хвостом, мамаша часто наставляла его:

— Если, сынок, ты найдёшь Ежа, скорее швырни его в воду. Ёж сам собою развернётся в воде. А если найдёшь Черепаху, выцарапай её лапой из панциря.

И всё шло хорошо, мой милый мальчик.

Была прекрасная ночь на мутной реке Амазонке. Расписной Ягуар увидел, что под стволом свалившегося дерева сидят рядышком Злючка-Колючка Еж и Черепаха Неспешная. Спаситься бегством они не могли, и вот Злючка-Колючка Еж свернулся шаром, потому что иначе он не был бы Еж, а Черепаха Неспешная втянула ноги и голову под свой панцирь, потому что она была Черепаха.

Всё шло как следует, милый мой мальчик, не правда ли?

— Слушайте меня внимательно! — сказал Расписной Ягуар. — То, что я хочу вам сказать, имеет для вас большое значение. Моя маменька учила меня, что, если я увижу Ежа, я должен швырнуть его в воду, и тогда он сам собою развернётся, а если я увижу Черепаху, я должен выцарапать её лапой из панциря. Но кто же из вас Черепаха, а кто из вас Еж, — клянусь моими пятнами, не знаю!

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросил Злючка-Колючка Еж. — Уж не напутал ли ты? Может быть, маменька говорила тебе, что, когда ты развернёшь Черепаху, ты должен выцарапать её из воды, а когда ты поймашь Ежа, ты должен бросить его прямо на панцирь?

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросила Черепаха Неспешная. — Уж не напутал ли ты? Может быть, она говорила тебе, что, когда ты смочишь водою Ежа, ты должен расцарапать его лапой, а когда встретишь Черепаху, ты должен снять с неё панцирь, чтобы она развернулась?

— Едва ли это так! — сказал Расписной Ягуар, но всё же опешил немного. — Будьте добры, повторите ещё раз, что вы сказали сейчас. И, если можно, яснее.

— Когда ты поцарапаешь воду когтями, налей её и разверни Ежом, — сказал Злючка-Колючка Еж. — Запомни это хорошенько, потому что это очень важно.

— Но, — сказала Черепаха Неспешная, — когда ты выцарапаешь воду из Ежа, ты должен полить этой водой Черепаху. Неужели ты и этого не знаешь?

— У меня от вашей путаницы даже пятна на спине заболели! — сказал Расписной Ягуар. — Я не спрашиваю ваших советов, я только спрашиваю, кто из вас Еж и кто Черепаха.

— Не скажу, — ответил Еж. — Но, если хочешь, изволь — попробуй-ка выцарапать меня из моего панциря.

— Ага! — сказал Расписной Ягуар. — Теперь я вижу, что ты Черепаха. Ты думала, что я не догадаюсь. А я догадался.

И хлопнул Ягуар лапой со всего размаха по Ежу, как раз в ту минуту, когда Еж свернулся клубком. И конечно, в лапу Ягуара вонзились острые колючки Ежа. Это было бы, пожалуй, ещё ничего, но, к несчастью, Ягуар ударом лапы отбросил Ежа далеко-далеко в

лес и не мог найти его в кустах, так как было очень темно. Тогда он сунул лапу себе в рот, но от этого иглы стали колоть ещё больше. От боли он долго не мог говорить, а когда заговорил, сказал:

— Теперь я вижу, то была совсем не Черепаха. Но как мне узнать, Черепаха ли это?

И он почесал затылок той лапой, которая не пострадала от колючек Ежа.

— Я и есть Черепаха,— призналась Неспешная.— Твоя матушка учила тебя правильно. Она сказала, что ты должен выцарапать меня лапой из панциря. Это верно. Ну, принимайся за дело!

— Только что ты говорила, что она говорила одно, а теперь ты говоришь, что она говорила другое! — сказал Ягуар, высасывая колючки из лапы.

— Ты говоришь, что я говорю, что она говорила другое! — сказала Черепаха.— Что ж из этого? Ведь если, как ты говоришь, я говорила, что она говорила то, что я говорила, то и выходит, что я говорила то, что говорила она. А если ты думаешь, что она говорила, будто ты должен развернуть меня лапой, а не бросать вместе с моим панцирем в воду, я здесь ни при чём, не правда ли?

— Но ведь только что ты сама говорила, что я должен выцарапать тебя лапой из твоей скорлупы,— сказал Расписной Ягуар.

— Подумай хорошенько, и ты поймёшь, что я этого никогда не говорила. Я только говорила, что твоя мама говорила, что ты должен содрать с меня когтями мой панцирь,— сказала Неспешная.

— А что будет, если я сдеру с тебя панцирь? — осторожно спросил Ягуар и потянул носом воздух.

— Не знаю, потому что до сих пор никто ещё не сдирал с меня панциря, но говорю тебе правду: если ты хочешь посмотреть, как я уплыву от тебя,— брось меня, пожалуйста, в воду.

— Я тебе не верю! — сказал Расписной Ягуар.— Мама моя говорила одно, а ты говорила, что она говорила другое, и теперь всё у меня так перепуталось, что я не знаю, где у меня хвост, где голова. А теперь ты сказала простые слова, которые я понимаю, и это путает меня больше всего. Мама учила меня, чтобы я бросил одного из вас в воду, и так как ты говоришь, что тебе хочется в воду, ясно, что тебе не хочется в воду. Так прыгай же в мутную воду реки Амазонки. Живо!

— Хорошо, я прыгну, но знай: мама твоя будет очень недовольна. Пожалуйста, не говори ей, что я не говорила тебе, что она говорила...

— Если ты скажешь ещё хоть одно слово о том, что говорила моя мама!..— вскричал Ягуар, но не успел договорить, потому что

Черепаша как ни в чём не бывало нырнула в мутную воду реки Амазонки. Долго она плыла под водою и выплыла на берег, где её ждал Злючка-Колючка Ёж.

— Мы чуть не погибли! — сказал Ёж. — Не нравится мне этот Расписной Ягуар. Что ты сказала ему о себе?

— Я сказала ему правду. Я честно сказала ему, что я Черепаша, но он не поверил, заставил меня прыгнуть в воду и очень удивился, увидев, что я и в самом деле Черепаша. Теперь он пошёл жаловаться маме. Ты слышишь?

Было слышно, как среди кустов и деревьев, над мутной рекой Амазонкой, ревьёт Ягуар и зовёт к себе мать Ягуариху. И она пришла.

— Ах, сыночек, сыночек! — заговорила она, изящно помахивая грациозным хвостом. — Ты, кажется, делал такое, чего тебе не следовало делать.

— Я встретил над рекою одну зверюшку и хотел выцарапать её из-под панциря; она сама сказала, что ей хочется этого, и вот теперь у меня вся лапа в занозах!

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — По этим занозам, которые впились в твою лапу, я вижу, что то был Ёж. Тебе следовало кинуть его в воду.

— В воду я кинул другого зверька. Он сказал, что его зовут Черепаша, но я не поверил ему. Оказывается, то и вправду была Черепаша. Она нырнула в воду, в мутную реку Амазонку, и больше я не видел её. И вот я остался голодный и думаю, что нам нужно переселиться отсюда в другие места. Здесь, на мутной реке Амазонке, все звери такие умные. Мне, бедному, не справиться с ними.

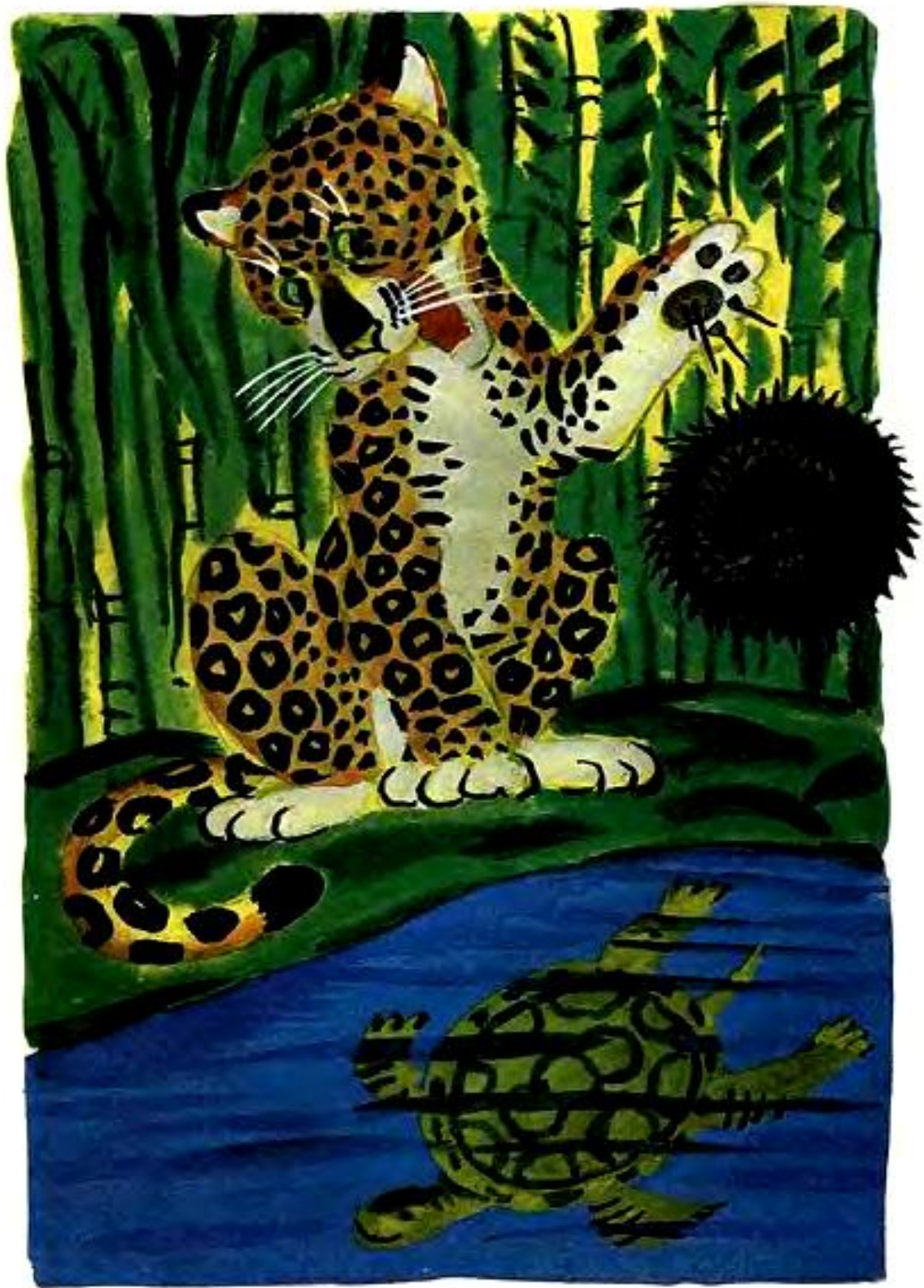
— Ах, сыночек, сыночек! — сказала его мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — Слушай внимательно и запомни, что я скажу. Ёж свёртывается в клубок, и его колючки торчат во все стороны. По этой примете ты всегда узнаешь Ежа.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Что ещё она скажет ему?

— А Черепаша не может сворачиваться, — продолжала Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Черепаша втягивает голову и ноги под панцирь. По этой примете ты всегда узнаешь Черепашу.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказала Черепаша Неспешная. — Даже Расписной Ягуар и тот не забудет такого простого урока. Ах, Злючка-Колючка, как жаль, что ты не умеешь плавать!

— Полно тужить обо мне, — отозвался Злючка-Колючка. — Тебе тоже кое-чего не хватает. Подумай: как было бы чудесно, если бы ты умела сворачиваться в клубок! Ах, в какую беду мы попали! Прислушайся, что говорит Ягуар!

А Расписной Ягуар сидел над мутной рекой Амазонкой, высасывал из лапы колючки и бормотал про себя:

Кто свернётся клубком,
Тот зовётся Ежом.
Кто в воде поплывёт,
Черепашой сльвёт.

— Этого он никогда не забудет, даже после дождика в четверг, — сказал Ёж. — Поддержи меня за подбородок, Неспешная, — я хочу научиться плавать. Это может пригодиться потом.

— С удовольствием! — сказала Черепаха.

И она поддержала Колючку за подбородок, покуда Колючка барахтался в мутной реке Амазонке.

— Из тебя выйдет отличный пловец! — сказала она Ежу. — А теперь, будь так добр, распусти у меня на спине те шнурки, которыми стянут мой панцирь, — я попробую свернуться в клубок.

Злючка-Колючка Ёж распустил на спине у Черепахи шнурки, и Черепаха стала так ёжиться и корчиться, что ей наконец удалось чуть-чуть согнуться, — не совсем, а чуть-чуть.

— Очень хорошо! — сказал Ёж. — Но довольно, больше не надо. У тебя даже лицо посинело. А теперь, пожалуйста, поддержи меня в воде ещё разок! Я попробую плавать боком. Ты говорила, что это очень легко.

И Ёж опять пустился в плавание. Это был его второй урок. Черепаха плыла рядом с ним.

— Очень хорошо! — сказала она. — Ещё немного, и ты будешь плавать не хуже Кита. А теперь, будь так добр, распусти-ка шнурки в моём панцире ещё на две дырочки, я попробую наклониться вперёд. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

— Очень хорошо! — воскликнул Ёж, весь мокрый после купанья в мутной реке Амазонке. — Ты сворачиваешься так хорошо — ну совсем как мои братья и сёстры. Две дырочки, ты говоришь? Ладно, только не нужно так громко пыхтеть, а то услышит Расписной Ягуар. Смелее! Когда ты кончишь, я попробую нырнуть и подольше продержаться под водою. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Но как сдвинулись щитки у тебя на панцире! Прежде они были рядом, а теперь один на другом.

— Это оттого, что я сворачиваюсь,— сказала Черепаха.— Да и с тобою произошла перемена. Прежде ты был похож на каштановый орех, а теперь сделался как еловая шишка. Все колючки склеились и стали чешуйками.

— Неужели? — воскликнул Ёж.— Это оттого, что я вымок в воде. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

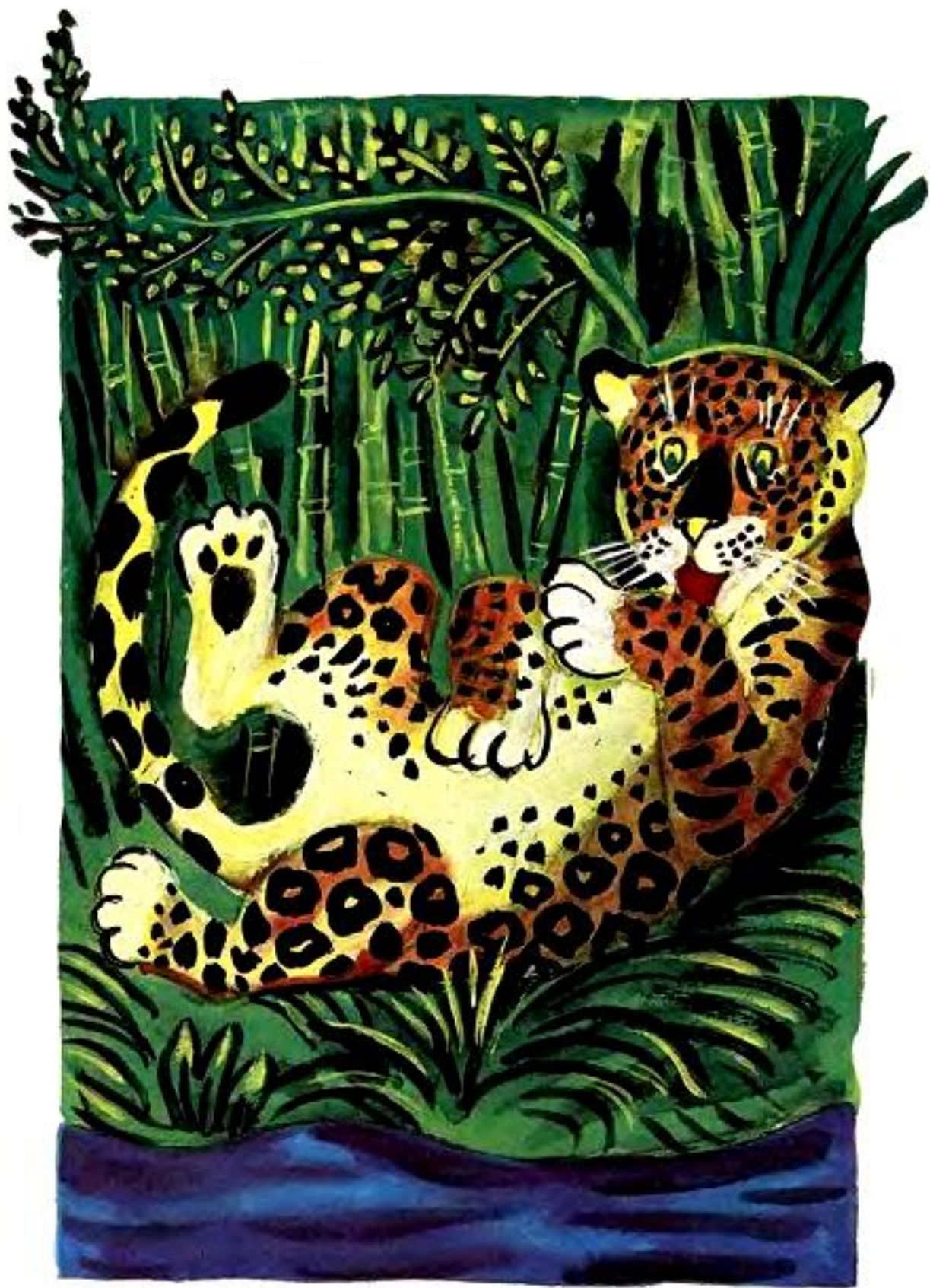
Так до самого утра они помогали друг другу, а когда солнце поднялось высоко над землёй, они сели отдохнуть и обсушиться. И, глядя друг на друга, заметили, что стали совсем на себя не похожи.

Потом они позавтракали, и Черепаха сказала:

— Милый Ёж, я уже не такая, какая была вчера. Но я думаю, что теперь мне удастся позабавить Ягуара как следует.

— Я как раз хотел сказать то же самое, слово в слово! — воскликнул Ёж.— По-моему, чешуя лучше всяких колючек, к тому же я теперь умею плавать. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Пойдём и найдём его.

Вскоре они нашли Ягуара. Он всё ещё возился со своей раненой лапой. Когда они предстали пред ним, он так удивился, что стал пятиться назад и три раза перекувырнулся через свой собственный хвост.

— Доброе утро! — сказал Злючка-Колючка Еж. — Как бесценное здоровье вашей маменьки?

— Благодарю вас, она в добром здоровье, — ответил Ягуар. — Но не взыщите, пожалуйста, я плохо помню ваши имена.

— Ах, какой вы нелюбезный! — сказал Еж. — Ведь только вчера вы пытались выцарапать меня из панциря...

— Но вчера у тебя не было панциря — вчера ты был весь в иголках. Кому же это и знать, как не мне? Посмотри-ка на мою лапу!

— Только вчера, — сказала Черепаха, — вы велели мне броситься в воду, чтобы я утонула в мутной реке Амазонке, а сегодня и знать меня не хотите. Вот какой вы грубый и забывчивый!

— Неужели вы забыли, что сказала ваша мамаша? — спросил Злючка-Колючка Еж. — Ведь она ясно сказала вам:

Кто свернётся клубком,
Черепахой слывёт.
Кто в воде поплывёт,
Тот зовётся Ежом.

Тут они оба свернулись клубками и как пошли кататься вокруг Ягуара — катались, катались, катались... У того даже глаза закружились, словно колёса в повозке.

Он убежал и позвал свою мать.

— Мама, — сказал он, — там в лесу какие-то невиданные новые звери! Про одного ты сказала, что он не умеет плавать, а он плавает. Про другого ты сказала, что он не умеет сворачиваться, а он сворачивается. И кажется, они поделились одеждой. Прежде один был гладенький, а другой колючий, а теперь оба они в чешуе. Кроме того, они так кружатся, кружатся, кружатся, что у меня голова закружилась.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Еж — это Еж, и чем же ему быть, как не Ежом? Черепаха — это Черепаха, и останется всегда Черепахой!

— Но это совсем не Еж! И совсем не Черепаха! Это немножко Еж и немножко Черепаха, а как оно зовётся — я не знаю.

— Пустяки! — сказала мать Ягуариха. — У всякого должно быть своё имя. Я буду звать этого зверя Броненосец, покуда для него не найдётся настоящего имени. И на твоём месте я оставила бы его в покое.

Ягуар поступил, как ему было сказано; особенно свято выполнил он наставление маменьки — оставить этого зверя в покое. Но удивительнее всего то, милый мальчик, что на мутной реке Амазонке с того самого дня до сих пор Злючку-Колючку Ежа и Черепаху Неспешную все так и называют Броненосцем. Конечно, в других местах есть по-прежнему и Ежи и Черепахи (есть они и у меня в саду), но лучшие, умнейшие из них — старинные Ежи и Черепахи, покрытые щитками, как словые шишки, те самые, что в Далёкие Дни жили на мутных берегах Амазонки, — те всегда зовутся Броненосцами, потому что они такие разумные.

Чего же тебе ещё, милый мальчик? Всё устроилось отлично, не правда ли?

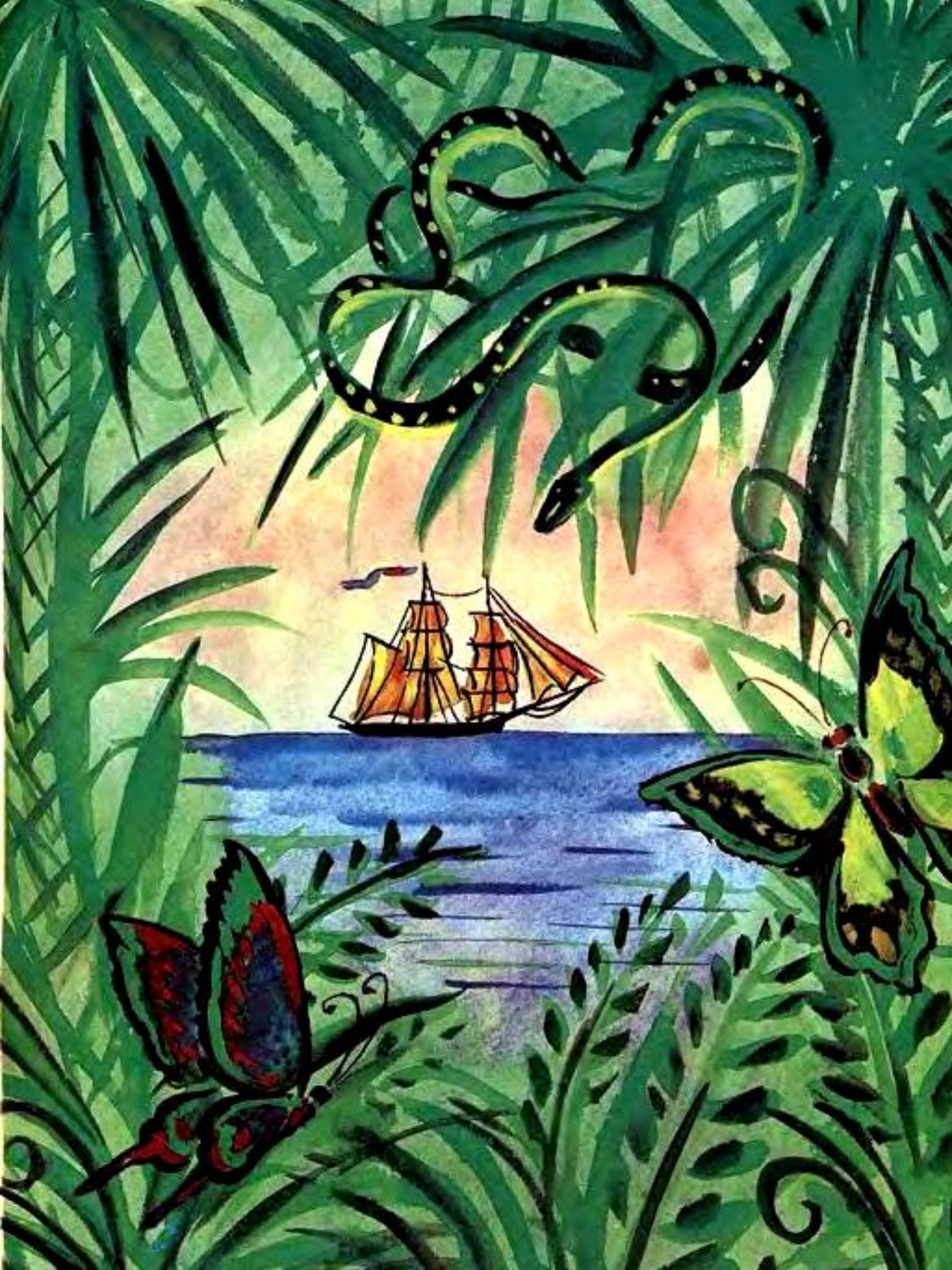
На далёкой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
И я хочу в Бразилию,
К далёким берегам!

Никогда вы не найдёте
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Откуда у Кита такая глотка

Отчего у Верблюда горбо

Откуда у Носорога шкура

Откуда взялись броненосцы

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Для дошкольного возраста

Редактор Джозеф Киплинг **ОТКУДА Взялись БРОНЕНОСЦЫ**

Слова

Ил. № 2378

Ответственный редактор М. И. Галова. Художественный редактор О. К. Кондакова. Технический редактор Е. М. Золотарев. Кorreктура В. В. Ку-
 Финова. Слово и набор 28/IX 1977 г. Подписано в печать 29/III 1978 г. Формат 60×90/16. Бум. офсет. № 1. Усл. печ. л. 5. Уч. изд. л. 5,02. Те-
 раж 300 000 экз. Заказ № 1144. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Чер-
 касский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1. Росгизполиграфпром Государственного комитета Совета
 Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Рисунки В. Дувидова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя